

Яр Кремьень

Книга 3. Код вины. Скрытый код

СКРЫТЫЙ КОД

Яр Кремень

Книга 3. Код вины. Скрытый код

«Автор»

2026

Кремень Я.

Книга 3. Код вины. Скрытый код / Я. Кремень — «Автор», 2026 — (СКРЫТЫЙ КОД)

Пять лет прошло после событий «Кода страха». «Рассвет» вырос и окреп, но Матвей, старший сын Игоря, задыхается под грузом вины. Каждую ночь один и тот же голос: «Ты обещал вернуться...» Каждое утро — пустота, которую ничем не заполнить. И вдруг появляется ОН. Проповедник, что обещает покой. Избавить от боли, страха, кошмаров — навсегда. Оставить только тишину. Матвей срывается в Сад Безмолвия, надеясь наконец забыть. Но вместо забвения находит ЕЁ. Ту, кого оплакивал пятнадцать лет. Она жива. Она помнит. И она кричит: «Беги! Здесь не лечат — здесь стирают душу, оставляя красивую пустоту». Что страшнее — вечная боль или вечный покой, в котором ты перестаёшь быть собой? Сможет ли Матвей вырваться из сладкого плена, когда любимая смотрит пустыми глазами и шепчет: «Мне хорошо. Наконец-то хорошо...»? Третья книга о том, как легко потерять себя в погоне за облегчением. И о том, что настоящая жизнь всегда там, где сердцу больно биться.

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Империя Сердца	5
Глава 2: Проповедник	12
Глава 3: Зеркальный зал	20
Глава 4: Раскол	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яр Кремень

Книга 3. Код вины. Скрытый код

Глава 1: Империя Сердца

Тогда: *Он лежал на спине и смотрел, как тает небо. Оно не уходило в темноту, оно именно таяло – красками, звуками, запахами. Рядом кто-то плакал. Или смеялся. Он не мог различить. Грудь раздирала боль, но она была где-то далеко, за стеклянной стеной. Он хотел повернуть голову, увидеть лицо, но тело не слушалось. Только голос, тонкий, детский, пробивался сквозь вату: «Ты обещал... ты обещал вернуться...» Потом была вспышка. Синяя. Очень красивая.*

Сейчас: Матвей открыл глаза и уставился в потолок. Обычный дощатый потолок его комнаты при лаборатории. На досках плясали блики от кристаллического анализатора – тот гудел ровно, без тревог.

Сердце колотилось где-то в горле.

Сон. Опять этот сон. Три ночи подряд один и тот же сценарий, одни и те же детали, одна и та же липкая, холодная дрожь после пробуждения. Он не знал, чей это голос. Не знал, где это было. Но знал одно: он там *был*. И что-то обещал. И не вернулся.

Матвей сел, провел ладонью по лицу, пытаясь стереть наваждение. Пальцы дрожали. Он посмотрел на них – тонкие, с въевшейся графитовой пылью, пальцы ученого, аналитика, человека, который привык доверять только данным. Данные говорили, что он в норме. Пульс – 88, чуть выше обычного, но допустимо. Зрачки – в порядке. Эмоциональный фон по шкале «Сердца» – стабильно-серый, ближе к зеленому.

Данные врал.

Он встал, подошел к окну. Мир за стеклом был до отвращения прекрасен.

«Рассвет» за пять лет превратился в открытку самого себе. Кристаллы Улья, вросшие в стены домов, пульсировали ровным, убаюкивающим светом. Дорожки из переработанных осколков фосфоресцировали мягким бирюзовым. В центре, как огромный живой орган, дышало «Сердце» – многоярусная конструкция, опутавшая поселение нервными окончаниями серебряных проводов. Люди выходили из домов, здоровались короткими кивками, расходились по делам. Ни суеты, ни криков, ни той утренней, живой какофонии, которую Матвей помнил из детства в старом мире.

Идеально. Стерильно. **Мертво.**

В углу комнаты пискнул анализатор. Не сигнал тревоги, просто напоминание. Матвей обернулся и замер.

На экране, среди ровных линий спектрограммы, пульсировала одна-единственная аномалия. Короткий всплеск на частоте, которую Антон когда-то назвал «эмоциональным эхом». Такие всплески означали одно: кто-то в зоне действия «Сердца» переживал воспоминание такой силы, что оно прорывалось в общий фон. Матвей машинально глянул на таймер.

Всплеск произошел **ровно в 4:33 утра.**

Время, когда он проснулся от кошмара.

– Чуть, – сказал он вслух. – Слишком слабый сигнал. Ты просто перегрелся.

Анализатор не ответил. Но на экране, прямо под графиком, замигал индикатор «**НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК**».

Матвей сбросил данные и вышел из комнаты, не дожидаясь, пока логика начнет задавать неудобные вопросы.

На площади у «Общего очага» было людно. Валун с артефактами – обгорелой ложкой, круглым камнем, пустой склянкой и осколком кристалла Тарасова – теперь стоял в центре каменной чаши, окруженный масляными лампадами. Люди подходили, клали руки на теплую поверхность, закрывали глаза. Ритуал. Традиция. Память.

Матвей остановился поодаль, наблюдая. Красивая картина. Правильная. Но в ней чего-то не хватало. Или кого-то.

– Ты опять не спал, – раздалось за спиной.

Лея. Она умела подходить бесшумно, словно лесной зверь. Пять лет работы пилотом кристаллических катеров сделали ее еще более подтянутой, резкой, но в глазах добавили ту особую, цепкую настороженность, которая бывает у людей, слишком часто смотрящих в темноту за бортом.

– А ты опять не здороваешься, – парировал Матвей, не оборачиваясь.

– С тобой здороваться – себя не уважать. Ты все равно не слышишь. – Она встала рядом, тоже глядя на Очаг. – Снилось?

– Откуда знаешь?

– У тебя под глазами такое, будто ты не спал неделю. И моргаешь слишком часто. Признак внутреннего спора с самим собой. – Она покосилась на него. – Споришь, стоит ли верить тому, что видишь?

Матвей промолчал. Лея всегда была слишком проницательной. Это бесило.

– Ладно, – она хлопнула его по плечу. – Пойдем. Отец зовет. Там опять молодежь бунтует.

– Знаю. Зорич уже выступал вчера.

– Вчера были цветочки. Сегодня они притащили какого-то гостя с юга. Говорят, от самого Проповедника.

Матвей резко обернулся.

– Что?

– А вот это уже интересно, да? – Лея усмехнулась. – Пойдем, сам увидишь.

В зале совета было душно. Игорь сидел во главе стола, сцепив пальцы в замок – жест, который Матвей знал с детства: отец сдерживал гнев. Оксана рядом, с побледневшим лицом, впилась взглядом в незнакомца. Коваль застыл в углу, как черная статуя, его лицо было непроницаемо, но Матвей заметил, как побелели костяшки сжатых кулаков.

Незнакомец был молод. Лет двадцать пять, не больше. Одет в простую светлую рубаху, чистую, но без единой нашивки или украшения. Гладко выбрит, светловолос, с глазами такого прозрачно-голубого цвета, что в них хотелось смотреть бесконечно, как в бездонное небо. Он улыбался. Спокойно, открыто, доброжелательно. И от этой улыбки у Матвея похолодела спина.

– ...я лишь передаю приглашение, – говорил юноша мягким, ровным голосом. – Никто никого не заставляет. Проповедник не собирает армию и не строит государство. Он просто... помогает. Тем, кто устал.

– Помогает чем? – резко спросил Игорь. – Забыть?

– Нет. – Юноша покачал головой, и в этом движении была такая убежденность, что Матвею на миг показалось – сейчас зал наполнится светом. – Забыть – значит потерять. Проповедник учит другому: **оставить**. Оставить боль, как оставляют тяжелый груз на пороге дома, чтобы войти внутрь легким. Память остается. Ты помнишь, что было. Но это больше не жжет. Не разъедает душу. Ты просто... знаешь. И идешь дальше.

– Так не бывает, – тихо сказала Оксана. – Боль и память – одно. Это аксиома.

– Бывает, – возразил юноша, и его улыбка стала чуть шире. – Я сам прошел через это. До встречи с Проповедником я не мог вспоминать лицо матери без того, чтобы не задыхаться от рыданий. Она сгорела в «тихом пожаре» у меня на глазах. Мне было двенадцать. Я носил эту боль десять лет. А теперь... – Он коснулся груди. – Теперь я помню ее. Ее смех, ее руки, ее запах. И это тепло. Только тепло. Без огня.

В зале повисла тишина. Матвей смотрел на юношу и чувствовал, как внутри, под ребрами, что-то сжимается в тугий узел. *Без огня*. Только тепло. Возможно ли это? Если да... если да, то чего стоит вся их Хартия, все их «право на боль», все ритуалы и уроки памяти? Может, они не лечат, а наоборот – заставляют людей вечно носить в себе тлеющие угли?

– Это ловушка, – голос Ковалья прозвучал как удар молота. Майор шагнул вперед, и его лицо, обычно бесстрастное, исказила гримаса. – Я знаю это состояние. «Без огня». Это называется **пустота**. Я семь лет жил среди пустышек, у которых не было даже пепла. Они помнили факты. Но за глазами у них была только белая стена. Если ваш Проповедник дарит такое «тепло» – он хуже любого «Курчатовца».

– Ты говоришь о тех, кого *лишили* чувств насильно, – мягко возразил юноша, и в его голосе не было ни тени обиды, только бесконечное терпение. – А я говорю о тех, кто *отдает* свою боль добровольно. Как отдают старую, изношенную одежду. Это не потеря. Это освобождение.

Коваль хотел ответить, но Игорь жестом остановил его.

– Допустим, мы поверим, – медленно проговорил он. – Чего вы хотите от нас?

– Чтобы вы знали, – просто ответил юноша. – Мы не просим присоединяться. Мы не вербуем. Но те, кто ищет покоя, должны знать, где его найти. Мы открыли «Сад **Безмолвия**» на юге, за степями, у подножия старых гор. Там нет страха, нет вины, нет кошмаров. Только тишина. И возможность отдохнуть. По-настоящему. – Он обвел взглядом зал. – Если кто-то из ваших захочет прийти – мы примем. Если нет – мы не обидимся. Мы не враги вам. Мы просто... другой путь.

Он поклонился и вышел, оставив после себя звенящую тишину.

Первым заговорил Зорич.

– Вы слышали? Он не требовал, не угрожал. Он просто предложил. А наши молодые... они уже слышали. И многие хотят пойти. Потому что здесь, – он обвел рукой зал, «Сердце» за окном, идеальные дома, – здесь душно. Здесь каждый камень напоминает о том, что было. А они хотят жить своим.

– Своим – это пустотой? – бросил Коваль.

– Своим – это без вашей боли, – отрезал Зорич. – Ты несешь свой крест, майор. Твое право. Но не заставляй других тащить тот же.

Совет раскололся мгновенно. Говорили одновременно, перебивая друг друга. Матвей сидел молча, глядя в одну точку на столе. Перед глазами стояла улыбка юноши. Такая чистая, такая спокойная. И рядом – лицо Ковалья, искаженное мукой.

Кто из них прав?

Он не заметил, как совет закончился. Очнулся только когда зал опустел, а напротив него стоял отец.

– Ты опять молчал, – сказал Игорь. Это было не обвинение. Констатация.

– Я слушал.

– И что решил?

– Ничего. – Матвей поднялся. – Я ничего не решил. Потому что не знаю, кому верить. Своим глазам? Они видят одно. Данным? Они молчат. Снам? – он усмехнулся. – Сны вообще врут.

– Каким снам? – насторожилась Оксана, подходя.

– Неважно. – Матвей направился к выходу. – Мне нужно подумать.

Он вышел, не прощаясь.

Вечер застал его у «Сердца». Он сидел на камне, принесенном когда-то с могилы Тарасова, и смотрел, как золотистый свет кристалла пульсирует в такт его собственному сердцу. Рядом бесшумно появилась Алиса.

– Дядя Матвей, – сказала она, садясь рядом и поджимая под себя босые ноги. – Ты грустный.

– Я думаю, – поправил он.

– Думать – это грустно, – уверенно заявила девочка. – Когда я думаю, у меня внутри щиплет. А когда не думаю, а просто смотрю – не щиплет.

– И на что ты сейчас смотришь?

– На свет. – Она указала на «Сердце». – Он говорит. Тихо-тихо. Как будто поет. Только не слышно, а чувствуется.

– И что он поет?

Алиса закрыла глаза, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом открыла и посмотрела на Матвея своими не по-детски глубокими глазами.

– Он поет про тебя. Что ты ищешь что-то, чего нет. И что если найдешь – потеряешь себя. Но ты все равно пойдешь искать. Потому что не можешь не идти.

Матвея пробрал холод. Это были не ее слова. Это был голос самой ткани реальности, пропущенный через четырехлетнего ребенка.

– Откуда ты знаешь? – спросил он тихо.

– «Сердце» сказала, – пожала плечами Алиса. – И еще оно сказала, что тот дядя, который приходил сегодня, – врет. Не про боль. Про другое. У него внутри... пусто. Не та пустота, про которую дядя Коваль говорил. Другая. Как будто там раньше кто-то жил, а теперь съехал. И остались только стены. Красивые, чистые, но пустые.

– Ты видела его?

– Он проходил мимо. Я спряталась за камнем. Он меня не видел. А я видела. – Алиса поежилась. – Мне стало страшно. Не за себя. За тех, кто к нему пойдет. Они думают, что найдут покой. А найдут... – она замолчала, подбирая слово. – Найдут холодильник.

Матвей обнял ее. Крошечное теплое тельце прижалось к нему, и на мгновение груз под ребрами исчез. Совсем. Редкий, драгоценный миг чистого, не замутненного ничем покоя.

– Ты не ходи туда, – прошептала Алиса ему в плечо. – Пожалуйста. Там плохо. Там не по-настоящему.

– Я не пойду, – соврал Матвей. – Обещаю.

Он поцеловал ее в макушку и отпустил. Алиса убежала к матери, а он остался сидеть на камне, глядя, как затухает золотистый свет, уступая место ночи.

Обещаю.

Слово кольнуло где-то в затылке. Слово из сна. Тот же голос, та же интонация: «Ты обещал... ты обещал вернуться...»

Он резко поднялся и быстрым шагом направился в лабораторию.

Анализатор гудел ровно. Матвей сел за пульт и начал прогонять данные за последние три дня. Ничего необычного. Эмоциональный фон стабилен. Частота обращений к «Сердцу» в норме. Сны... сны не фиксировались приборами.

Он полез глубже. В архивы. В старые записи, которые вел еще Антон. Логи обращений к кристаллу памяти, подключенному к «Сердцу» в первые годы. Там хранились не слова – эмоциональные слепки. Отпечатки чувств, которые люди добровольно оставляли в общем поле.

Он ввел свои параметры: время – 4:33 утра, последние три дня. Частота всплеска – та, что зафиксировал анализатор.

Машина задумалась на секунду, потом выдала результат.

СОВПАДЕНИЕ НАЙДЕНО: 98.7%

ИСТОЧНИК: НЕИЗВЕСТЕН

НОСИТЕЛЬ: НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В БАЗЕ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СЛЕПОК: #А-7754-С

ПРИМЕЧАНИЕ: ЗАПИСЬ ДАТИРОВАНА 7 ГОДАМИ РАНЕЕ. ИСТОЧНИК – ВНЕШНИЙ СИГНАЛ, ПРИНЯТЫЙ «РАДИО РАССВЕТ-2» В ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ.

Матвей замер. Семь лет назад. Внешний сигнал. Он открыл файл.

На экране появилась воронка спектрограммы, а затем – звук. Искаженный помехами, едва различимый, но Матвей узнал бы его из тысячи.

Голос. Женский. Молодой. Полный такой отчаянной, последней надежды, что у него свело скулы.

«...если кто-нибудь слышит... меня зовут... меня звали... я не помню. Они сказали, что я забуду. Они сказали, что так будет легче. Но я не хочу легче! Я хочу помнить! Я хочу помнить его лицо! Я хочу помнить, как он смеялся! Пожалуйста, если вы меня слышите... скажите ему, что я... что я не специально... что я искала... я искала выход... и нашла... но это не выход... это...»

Дальше шел шум. А потом – четко, как удар ножом:

«Ты обещал вернуться...»

Запись оборвалась.

Матвей сидел, не в силах пошевелиться. Кровь стучала в висках так громко, что заглушала гул анализатора. Этот голос. Он слышал его три ночи подряд. Во сне. В своем собственном сне.

Но это был не его сон.

Это была **чужая память**.

Чья-то боль, чей-то крик, запертый в кристалле семь лет назад, каким-то образом провалился к нему. Или... или он сам был там? Он что-то обещал? Кому?

Он перемотал запись к началу, вслушиваясь в каждое слово, в каждый шорох. Голос был женский, молодой, с акцентом, который он не мог опознать. Но было в нем что-то до боли знакомое. Что-то, от чего сжималось сердце.

«...я не помню... они сказали, что я забуду...»

Кто сказал? Где?

Он полез в метаданные. Время записи, координаты источника, уровень сигнала. Координаты вели на юг. Далеко за степи. Туда, где сейчас, по слухам, появился **Проповедник**.

Матвей откинулся на спинку стула. Анализатор гудел. За окном медленно занимался рассвет, окрашивая кристаллы в розовый.

Он не знал, кто эта женщина. Не знал, что она искала и что нашла. Но знал одно: ее голос звал его. Не абстрактно – лично. *«Ты обещал вернуться»*.

А он ничего не обещал. Потому что никогда не был там. Или... был?

Он посмотрел на свои руки. Тонкие, с вьёвшейся графитовой пылью. Руки аналитика. Руки, которые никогда не держали оружия в настоящем бою. Руки, которые не могли никому ничего обещать.

Но под ребрами, там, где сидела вина, что-то шевельнулось. И Матвей понял, что выбора у него нет.

Этот голос, эта женщина, этот Проповедник на юге – все это звенья одной цепи. И он должен узнать, что за звено – он сам.

Он открыл ящик стола, достал старую, потертую карту, которую Антон когда-то начертил для первых экспедиций. На юге, за степями, у подножия гор, было белое пятно. Никто оттуда не возвращался с отчетами. Никто не знал, что там.

Теперь он знал. Там был «Сад Безмолвия». Там был Проповедник. И там, возможно, был ответ на вопрос, который мучил его всю жизнь: *кто он на самом деле?*

Он сложил карту, сунул за пазуху. На столе, среди бумаг, лежала фотография – старая, еще с довоенных времен, распечатанная на принтере «Рассвета». На ней была вся семья:

Игорь, Оксана, Милана, он сам... и еще одна фигура, размытая, почти невидимая, стоящая чуть поодаль. Они тогда шутили, что это призрак. Матвей смотрел на эту фотографию каждый день, но сегодня впервые заметил: фигура стояла именно там, откуда шел голос во сне. С южной стороны.

Он убрал и фотографию.

На рассвете, когда поселение только начинало просыпаться, Матвей вышел из лаборатории. Никто его не видел. Никто не спросил, куда он идет. Только анализатор в комнате гудел ровно, провозжая его тихим, настойчивым сигналом, на который он даже не обернулся.

Он шел на юг.

И впервые за много лет груз под ребрами не давил. Потому что цель, наконец, была ясна: найти ту, чей голос звал его из кристалла. Или доказать, что он сошел с ума.

Он не знал, что хуже.

Через час после его ухода в лабораторию заглянула Лея. Хотела спросить про новые маршруты. Увидела пустую комнату, работающий анализатор и листок бумаги, оставленный на столе.

На листке было три слова, написанных рукой Матвея:

«Я пошел искать. Не ищите».

Лея хмыкнула, сунула листок в карман и вышла. Искать она не собиралась. Матвей всегда был себе на уме. Но на выходе она остановилась, прислушалась к себе. Что-то было не так. Что-то, кроме отсутствия Матвея.

Анализатор. Он гудел. Но его гул изменился. Стал выше, тоньше, тревожнее. Лея не была специалистом, но за пять лет наслушалась достаточно, чтобы понять: так он гудит, когда фиксирует аномалию. Не во внешнем мире. В самом себе.

Она подошла, глянула на экран. Там, в углу, мигал индикатор.

«САМОДИАГНОСТИКА: ОШИБКА ПАМЯТИ. ФАЙЛ #А-7754-С ПОВРЕЖДЕН. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО».

Лея нахмурилась. Поврежден? С чего бы? Она знала, что Антон строил эту машину на совесть. Она не ломалась.

Она нажала кнопку воспроизведения последнего открытого файла.

Из динамика полился шум. А потом – голос. Тот самый, что слышал Матвей. Но теперь, когда файл «повреждался», голос звучал иначе. В нем прорезались новые частоты, новые обертоны. И Лея вдруг поняла, что этот голос... она его знает.

Очень хорошо знает.

Она слушала, и с каждой секундой ее лицо становилось все блее.

Потому что голос в динамике говорил:

«...я не помню... они сказали, что я забуду... но я помню тебя, Матвей. Я помню, как ты смотрел на меня, когда я уходила. Ты обещал вернуться. Ты обещал, что найдешь меня. Где ты? Почему ты не идешь? Я жду... я так долго жду... здесь, в этом белом сне...»

Лея выключила запись дрожащей рукой.

Она знала этот голос. Потому что слышала его в детстве, на старых, чудом уцелевших записях, которые Милана хранила как зеницу ока.

Это был голос «Картографа». Той самой девушки, что погибла в первой книге, прикрывая отход Матвея. Той, чьего настоящего имени они так и не узнали. Той, чью смерть Матвей носил в себе как незаживающую рану.

Но записям было пятнадцать лет. А файл в анализаторе датировался семью годами ранее. Семь лет назад «Картограф» не могла ничего передавать. Потому что была мертва.

Или... или нет?

Лея медленно положила руку на пульт. Анализатор гудел. За окном вставало солнце.

Где-то на юге, в степи, Матвей уходил все дальше от дома, не зная, что голос, который его позвал, принадлежал мертвой.

Или той, кто никогда не умирала.

Глава 2: Проповедник

День первый. Полдень.

Матвей шел на юг уже шесть часов, а степь все не кончалась.

Он знал эту местность по картам, но одно дело – изучать рельеф на мониторе, и совсем другое – идти по нему ногами. Высокая, по пояс, трава, уже начавшая желтеть под осенним солнцем, шелестела и била по ногам. Воздух был сухим, горячим, пахнул полынью и нагретой землей. Ни кристаллов Улья, ни привычного золотистого свечения – только солнце, только небо, только бесконечный, уходящий за горизонт ковыль.

Он не взял с собой ничего, кроме фляги с водой, ножа, карты и странного, липкого чувства, что за ним следят.

Взгляд между лопаток не отпускал уже третий час. Матвей останавливался, оборачивался – никого. Только трава, только ветер, только дрожащее марево над горизонтом. Но стоило отвернуться – и ощущение возвращалось: чьи-то глаза, спокойные, немигающие, буравят спину.

Он прогнал мысль. Паранойя. Классический симптом одиночного перехода. Организм, привыкший к постоянному фону «Сердца», к тихому гулу коллективного сознания, теперь оказался в информационном вакууме и начал дорисовывать угрозы.

Или не дорисовывать?

Где-то на периферии сознания мелькнула тень. Слишком быстрая для животного. Слишком вертикальная для человека, идущего согнувшись.

Матвей замер. Прислушался. Тишина. Только стрекот кузнечиков и далекий крик птицы.

– Покажись, – сказал он громко. Голос прозвучал глухо, утонул в траве. – Я знаю, ты там. Никто не ответил.

Он двинулся дальше, но теперь шел медленнее, положив руку на нож. Беспольный жест – против того, что могло прятаться в степи, нож не помог бы. Но рука нашла его сама, на уровне спинного мозга.

День первый. Вечер.

Солнце коснулось горизонта, окрасив степь в багровые и оранжевые тона. Матвей нашел место для ночлега – небольшую ложбину у высохшего русла ручья, где трава была ниже и можно было развести костер, не опалив полмира.

Костер он разжег с третьей спички – руки дрожали от усталости. Сидя у огня, глядя, как языки пламени лижут сухие ветки, он позволил себе задуматься о том, что, собственно, делает.

Он, главный аналитик Конфедерации, человек, чьи вероятностные расчеты спасли сотни жизней, ушел в никуда, повинувшись голосу из семилетней давности. Голосу женщины, которая, по всем данным, была мертва. Или нет? Данные, как выяснилось, могли врать.

Он достал из-за пазухи фотографию. Семья на фоне первого, еще недостроенного «Рассвета». Игорь, Оксана, Милана, он сам, пятнадцатилетний, с серьезным лицом и ввевшейся в пальцы графитовой пылью. И фигура с краю. Размытая, почти прозрачная. Призрак.

Он всматривался в нее в сотый раз, пытаясь угадать черты. И в сотый раз видел только смазанное пятно.

– Кто ты? – спросил он тихо. – И почему я должен тебя искать?

Огонь потрескивал. Где-то в степи завыл шакал. Или показалось.

Он уснул сидя, прислонившись спиной к камню, и не заметил, как провалился в сон.

Сон.

Она стояла к нему спиной. Белое платье, длинные темные волосы, развевающиеся на ветру, которого не было. Вокруг – белая пустота. Ни стен, ни пола, ни неба. Только она и бесконечная белизна.

– Ты пришел, – сказала она, не оборачиваясь. Голос был тот самый. Из записи. Из кошмара.

– Кто ты? – спросил Матвей. Собственный голос прозвучал далеко, будто говорил не он, а кто-то другой в соседней комнате.

– Ты не помнишь? – Она повернулась. Медленно, очень медленно. Матвей смотрел, как проступают черты: тонкая шея, острый подбородок, губы...

– Не надо, – попросил он. – Не надо, я не хочу...

Но лицо уже проявилось полностью.

Это было его собственное лицо.

Он смотрел на себя со стороны: Матвей, но старше, лет на десять, с глубокими морщинами у рта и пустыми, абсолютно пустыми глазами. Глазами человека, который забыл все, включая себя.

– Ты обещал вернуться, – сказал его собственный рот голосом той женщины. – Ты обещал, что не станешь таким, как я. А стал.

– Нет!

Матвей проснулся от собственного крика.

Костер почти погас, только угли тлели багровым. Ночь была черной, безлунной, и в этой черноте горели две точки. Глаза. Совсем рядом, в трех метрах.

– Кто здесь? – хрипло выдохнул Матвей, хватаясь за нож.

Глаза моргнули. Потом раздался голос – тихий, спокойный, женский:

– Не бойся. Я не причиню вреда.

Из темноты шагнула фигура. Высокая, худая, в длинном темном плаще, скрывающем очертания. Женщина подошла к костру, подбросила ветку – та вспыхнула, осветив лицо.

Матвей смотрел и не верил глазам.

Это была та самая женщина. Из сна. Из записи. Из его кошмаров. Те же длинные темные волосы, тот же острый подбородок, те же глаза... но нет, не те. Вблизи она была старше. Гораздо старше. Лет сорок, не меньше. И в глазах у нее была не пустота, а глубокая, вымороженная боль, которую она научилась прятать за маской спокойствия.

– Ты... – Матвей не мог выговорить имя, потому что не знал его. – Кто ты?

– Меня звали Катя, – сказала женщина. – Когда-то очень давно. Потом у меня было много имен. Картограф. Следопыт. Проводник. А теперь у меня нет имени. Я просто жду.

– Ждешь чего?

– Жду, когда ты перестанешь задавать вопросы, на которые сам знаешь ответы, – она села напротив, протянула руки к огню. – Ты шел ко мне. Я чувствовала. Улей чувствовал. Ты слышал мой голос.

– Это невозможно, – сказал Матвей, и голос его предательски дрогнул. – Ты умерла. Пятнадцать лет назад. Я видел... я был там, когда...

– Когда я закрыла вас собой? – Она подняла глаза. – Да. Я была там. И я умерла. Почти.

– Почти?

– «Курчатовцы» забрали меня. Не труп – тело. Оно еще дышало. У них были протоколы на такой случай. Реанимация, заморозка, восстановление. Я стала... экспериментом. Они хотели понять, как работает эмпатия на клеточном уровне. Резали, смотрели, собирали заново. – Она говорила спокойно, будто о погоде. – А потом, когда «Курчатовец-1» провел тотальную санацию, я оказалась в зоне поражения. Должна была умереть снова. Но не умерла. Что-то во мне... сломалось иначе. Я перестала чувствовать боль. Совсем. Но память осталась.

– И ты... ты искала меня? – Матвей смотрел на нее и не мог поверить. Катя. Та самая девушка, чью смерть он носил в себе пятнадцать лет. Живая. Сидит напротив, греет руки у его костра.

– Я искала не тебя. Я искала способ вернуть боль, – она усмехнулась горько. – Смешно, да? Все мечтают избавиться от страданий. А я мечтала их вернуть. Потому что без боли – пусто. Ты знаешь это чувство?

Матвей молчал. Знал ли он? Еще как знал. Его вина, его груз под ребрами – это было единственное, что доказывало: он жив.

– Я нашла Проповедника три года назад, – продолжала Катя. – Думала, он поможет. Он помогает многим. Но мне... мне он сказал: «Твоя боль умерла. Ее нельзя воскресить. Но можно построить новую на ее руинах». И я осталась. Не как пациентка. Как... сторож.

– Сторож?

– Присматриваю за теми, кто приходит. Смотрю, чтобы они понимали, на что идут. Потому что многие не понимают. Думают, что «Сад» – это рай. А это... – она замолчала, подбирая слово. – Это операционная. Чистая, стерильная, безопасная. Но после операции ты уже никогда не будешь прежним.

Матвей смотрел на нее и чувствовал, как внутри закипает что-то, чему он не мог подобрать названия. Не радость. Не страх. Что-то среднее. Будто кусок пазла, который пятнадцать лет был потерян, вдруг нашелся, но оказался совсем не той формы, что пустота.

– Зачем ты пришла? – спросил он.

– Чтобы предупредить, – Катя поднялась. – Ты идешь к нему. Ты хочешь избавиться от вины. Я знаю это чувство. Но вина – это не боль. Вина сложнее. Если он уберет ее, он уберет часть тебя. Той части, которую я... – она запнулась, впервые за весь разговор потеряв спокойствие. – Той части, ради которой я умирала.

Она повернулась и шагнула в темноту.

– Стой! – Матвей вскочил. – Подожди! Я должен... я хочу...

– Ты хочешь понять, – ее голос донесся уже издалека. – Я знаю. Поэтому и пришла. Чтобы ты понимал, когда войдешь внутрь. Что выбор есть всегда. Даже там, где кажется, что выбора нет.

Темнота поглотила ее. Матвей бросился следом, пробежал несколько метров, остановился. Никого. Только трава, только ветер, только далекий вой шакала.

Он вернулся к костру, сел, глядя на огонь. Фляга с водой была на месте, нож на месте, карта в кармане. Ничего не пропало. И ничего не подтверждало, что встреча была реальной.

Он просидел до рассвета, не сомкнув глаз. И когда первые лучи солнца тронули горизонт, он увидел вдалеке, на самом краю степи, что-то, чего не было на карте Антона.

Сад Безмолвия.

День второй. Утро.

Он подошел к границе Сада через час.

Граница была очевидной. Степь кончалась резко, будто обрезанная ножом. Дальше началась земля, покрытая низкой, изумрудно-зеленой травой – такой ровной, словно ее стригли каждую неделю. Ни кузнечиков, ни птиц, ни ветра. Тишина стояла абсолютная, плотная, как вата. И в этой тишине, метрах в пятистах, виднелись белые строения – аккуратные домики с черепичными крышами, окруженные цветущими кустами.

И ни души.

Матвей переступил невидимую черту и сразу почувствовал: что-то изменилось. Давление. Не в ушах – в голове. То самое фоновое гудение, к которому он привык за пять лет жизни у «Сердца», исчезло. Полностью. Абсолютно. Впервые с момента Пробуждения он остался один на один с собственными мыслями – без подсказок, без фоновых эмоций, без тихого шепота коллективного сознания.

Было... странно. И пугающе. И, против ожидания, **легко**.

Он двинулся к домам. Трава под ногами не шелестела. Воздух не пах ничем. Тишина давила на барабанные перепонки так, что хотелось закричать, лишь бы разорвать ее.

– Добро пожаловать.

Голос раздался откуда-то сбоку. Матвей вздрогнул, резко обернулся. Рядом стоял человек. Старик, лет семидесяти, в такой же светлой рубашке, что и вчерашний юноша. Лицо изрезано морщинами, глаза выцветшие, почти белые, но в них было что-то, от чего Матвей невольно расслабился. Спокойствие. Абсолютное, нерушимое спокойствие.

– Я... – начал Матвей.

– Ты Матвей, из «Рассвета», – кивнул старик. – Мы знали, что ты придешь. Проповедник ждет тебя.

– Откуда вы знаете?

– Здесь все знают друг о друге, – старик улыбнулся. – Не потому что мы шпионим. Потому что здесь нет секретов. Нет стыда, нет страха, нет вины. Только то, что ты готов оставить. И то, что готов взять взамен.

– А что я могу взять взамен?

– Себя, – просто ответил старик. – Настоящего. Без груза прошлого. Пойдем, я провожу.

Они пошли по идеально ровной дорожке, выложенной белым камнем. По сторонам, в тени аккуратных деревьев, сидели люди. Кто-то читал, кто-то просто смотрел в небо, кто-то спал на скамьях. Все они выглядели... умиротворенными. Но в этом умиротворении было что-то, от чего у Матвея засосало под ложечкой. Никто не разговаривал. Никто не смеялся. Никто не смотрел друг на друга. Каждый был сам по себе, в своем собственном, идеально изолированном коконе.

– Они счастливы? – спросил Матвей.

– Они в покое, – поправил старик. – Счастье – это эмоция. А эмоции – это волны. Покой – это гладь. Без ряби. Без штормов. Просто... тишина.

Они подошли к центральному зданию – белому, с колоннами, похожему то ли на храм, то ли на санаторий старого мира. Старик остановился у входа.

– Дальше ты пойдешь один. Он ждет в Зале Тишины. Просто иди на свет.

Матвей вошел.

Внутри было прохладно и светло. Солнечные лучи лились сквозь высокие окна, выбеленные стены отражали свет, создавая ощущение, что ты внутри облака. Ни мебели, ни украшений – только белые стены, белый пол и в конце длинного коридора – дверь, за которой бил мягкий, золотистый свет.

Он пошел на свет, как велел старик. С каждым шагом тишина становилась плотнее, гуще, почти осязаемой. К тому моменту, как он толкнул дверь, ему казалось, что он плывет в сиропе.

Зал оказался круглым, с куполообразным потолком, расписанным фресками, изображающими звездное небо. В центре, на возвышении, стоял человек. Не старый, не молодой. Среднего роста, в простой белой одежде, с гладко выбритым лицом и внимательными, очень светлыми глазами – почти прозрачными, как вода в горном ручье.

Он улыбнулся, и от этой улыбки у Матвея на миг исчезли все вопросы.

– Здравствуй, Матвей, – сказал Проповедник. Голос у него был тихий, но слышался отчетливо, будто звучал прямо в голове. – Я ждал тебя.

– Откуда вы знаете, кто я?

– Ты ищешь ответы. Здесь все ищут ответы. Разница лишь в том, что большинство ищет покой от боли, а ты ищешь покой от вины. Это сложнее. И интереснее.

Матвей почувствовал, как защитные барьеры, выстроенные годами, начинают таять. Этот человек говорил с ним на языке, который он понимал лучше всего – на языке точных определений.

– Вы правда можете убрать боль? – спросил он прямо.

– Я могу помочь тебе убрать то, что мешает жить, – так же прямо ответил Проповедник. – Но не я решаю, что именно уйдет. Это решаешь ты. Я только... проводник. Инструмент. Зеркало, в котором ты видишь себя без прикрас.

– Как это работает?

– Хочешь посмотреть? – Проповедник сделал приглашающий жест. – Подойди.

Матвей шагнул ближе. Теперь он видел, что за спиной Проповедника, в нише, скрытой от входа, стоит нечто, напоминающее огромный кристалл. Но не такой, как у Улья. Этот кристалл был черным. Абсолютно черным, поглощающим свет, и в его глубине, если приглядеться, мерцали искры – миллионы крошечных огоньков.

– Что это?

– **Ядро Безмолвия**, – сказал Проповедник. – Не бойся, оно не причинит вреда. Оно просто... слушает. Слушает то, что ты носишь внутри. И показывает это тебе же. Без лжи, без прикрас, без жалости. Только правда. Хочешь увидеть свою правду, Матвей?

Матвей смотрел в черную глубину. Искры мерцали, складывались в узоры, распались. Ему показалось, что в самой глубине мелькнуло лицо. Женское. С длинными темными волосами.

– Катя, – выдохнул он.

– Ты уже встретил ее, – кивнул Проповедник. – Она была здесь. И ушла. Она выбрала свой путь. Тебе предстоит выбрать свой.

– Она сказала, что вы не смогли ей помочь.

– Я не могу помочь тем, кто не хочет, чтобы им помогали, – в голосе Проповедника не было обиды, только констатация. – Она хочет вернуть боль. А это невозможно. Боль, однажды ушедшая, не возвращается. Можно только построить новую на пустом месте. Но она не хочет строить. Она хочет воскрешать мертвое. А мертвое не воскресает.

Матвей смотрел в кристалл и чувствовал, как внутри, под ребрами, вина пульсирует в такт искрам. Она была живой. Она была частью его. И мысль о том, что можно от нее избавиться, была одновременно пугающей и сладкой, как запретный плод.

– Что я увижу, если соглашусь? – спросил он.

– Себя, – ответил Проповедник. – Того, кем ты стал без груза. И того, кем мог бы стать, если бы нес его дальше. Выбор не между добром и злом. Выбор между двумя версиями тебя. Я не скажу, какая лучше. Потому что не знаю. Это знаешь только ты.

Матвей молчал долго. Искры в кристалле мерцали, складываясь в причудливые узоры. Где-то на краю сознания мелькнула мысль: *Алиса говорила, что здесь пусто. Но здесь не пусто. Здесь тихо. Это разные вещи.*

– Мне нужно подумать, – сказал он наконец.

– Конечно, – Проповедник улыбнулся той же светлой, всепонимающей улыбкой. – Время здесь не имеет значения. Ты можешь остаться, сколько потребуется. Комната для гостей, еда, тишина – все к твоим услугам. Когда решишь – просто приди сюда. Я буду ждать.

Матвей вышел из Зала Тишины, и только на пороге, уже в коридоре, его настигла запоздалая мысль: *Он ни разу не спросил, зачем я пришел. Он просто знал. Как будто читал мои мысли.*

Он обернулся. Дверь была закрыта. Из-под нее струился мягкий золотистый свет. Тот же свет, что и у «Сердца». Но здесь он был... другим. Стерильным. Без запаха жизни.

Матвей пошел искать комнату для гостей.

День второй. Вечер.

Комната оказалась маленькой, белой, с узкой кроватью и окном, выходящим в сад. Ни кристаллов, ни проводов, ни намёка на связь с внешним миром. Только тишина и покой.

Матвей сидел на кровати, глядя в окно. В саду, на скамейке, сидела женщина лет тридцати. Она смотрела на цветущий куст и улыбалась. Улыбка была пустая, механическая – мышцы лица сокращались правильно, но в глазах не было света.

Мимо прошел мужчина, поклонился ей, она ответила тем же. Ни слова. Ни взгляда. Просто два тела, выполняющие ритуал вежливости.

Матвей отвернулся. В груди заняло – там, где сидела вина. Она была на месте. Никуда не делась. Но теперь к ней примешивалось что-то еще. Страх? Перед чем? Перед тем, что он может потерять её – вину – навсегда?

Он вспомнил Катю. Ее слова: «Без боли – пусто». Она знала, о чем говорила. Она прошла через это. И выбрала вернуться в мир, где больно, но живо.

А что выберет он?

Ночью ему снова приснилась она. Та же белая пустота, тот же размытый силуэт. Но на этот раз она не поворачивалась. Стояла спиной и говорила:

– Ты еще можешь уйти. Пока не поздно. Пока ты не заглянул в Ядро. Потому что после этого ты уже не сможешь быть прежним.

– Я и так не могу быть прежним, – ответил Матвей. – Я никогда не был прежним. С того момента, как ты... как я думал, что ты умерла.

– Я не умерла. Я ждала. Пятнадцать лет ждала, когда ты придешь. – Она повернулась. Лица не было – только гладкая, белая поверхность, как у куклы. – А теперь ты здесь. И я не знаю, радоваться или плакать.

– Почему?

– Потому что ты пришел не ко мне. Ты пришел к нему. Ты хочешь избавиться от меня. От памяти обо мне. От вины за меня. Ты хочешь, чтобы я перестала болеть.

– Я... – Матвей не мог найти слов.

– Это нормально, – голос из пустоты был спокойным. – Я сама хотела того же. И знаешь что? Когда боль ушла, я поняла: без нее я перестала быть собой. Потому что боль – это не враг. Это компас. Она показывает, где ты сломался. И только через починку можно стать целым. А если просто отпилить сломанное – ты станешь меньше. Навсегда.

Матвей проснулся в холодном поту.

За окном светало. В саду уже сидели люди – те же, что вчера, с теми же пустыми улыбками, глядя в никуда.

Он принял решение.

День третий. Утро.

Проповедник ждал его в том же Зале Тишины, у черного кристалла.

– Ты решил, – сказал он. Это не было вопросом.

– Да, – Матвей подошел ближе. – Я хочу посмотреть. Не убрать. Посмотреть. Понять. А потом решу.

Проповедник кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

– Редкий выбор. Обычно люди хотят сразу избавиться. Ты хочешь понять. Это... правильно. Подойди к Ядру. Положи руки на поверхность. И смотри.

Матвей шагнул к кристаллу. Черная гладь была холодной, почти ледяной. Пальцы коснулись, и в тот же миг мир вокруг исчез.

Он стоял в пустоте. Не в белой – в черной, абсолютной, беззвездной пустоте. И в этой пустоте загорались огоньки. Миллионы огоньков – каждое воспоминание, каждая эмоция, каждая боль, каждая радость.

– Смотри, – раздался голос Проповедника отовсюду и ниоткуда. – Это ты. Весь. Без лжи. Огоньки начали собираться в картины.

Матвей увидел себя ребенком, сидящим за столом с отцом. Игорь чинит кран, вода капает, и в этом капанье – целый мир. Теплый, живой, настоящий.

Потом – первую битву с фатбернами. Страх, смешанный с яростью, лопата в руках, и Милана, чьи слезы светятся в темноте.

Потом – «Картограф». Ее лицо, когда она закрывает их собой. Ее последние слова: «Бегите. Я задержу».

И после этого – черная дыра. Провал в памяти. Пустота на три дня, о которой он никогда никому не рассказывал. Потому что сам не помнил, что там было.

– Что это? – спросил он в пустоту.

– Ты не помнишь? – голос Проповедника был тихим, но в нем впервые прорезалась странная, незнакомая нотка. Не тревога – интерес.

– Нет. Я думал, это просто... шок. Потеря памяти от травмы.

– Посмотри внимательнее.

Черная дыра начала светлеть. Картина проявилась, и Матвей закричал.

Он видел себя. Там, в руинах, после боя. Он сидит на земле, рядом с телом «Картографа». Он плачет. А потом поднимает голову и видит перед собой людей в черной форме. «Курчатовцы». Они не стреляют. Они смотрят на него с интересом.

– Интересный экземпляр, – говорит один. – Высокий резонанс. Забираем.

– А тело? – спрашивает другой.

– Тело в протокол. Может, пригодится.

Матвея поднимают, уводят. Он не сопротивляется. Он в шоке. Его сажают в машину, увозят.

Дальше – белая комната. Операционная. Люди в масках склоняются над ним. Один говорит:

– Процедура стирания травматического ядра. Добровольное согласие? Он несовершеннолетний.

– А кто спросит? – усмехается другой. – Родители думают, что он погиб. Через месяц вернем – скажем, нашли. А пока почистим. Сделаем из него идеального наблюдателя.

– А если не захочет?

– Он не помнит, что захочет. Сейчас он в ступоре. А после процедуры не вспомнит даже, что был здесь.

Белая вспышка. И дальше – темнота. А потом – пробуждение в руинах, рядом с «Картографом». Но она уже не дышит. А он не помнит, как прошел месяц. Думает, что прошло несколько часов.

– Нет, – прошептал Матвей. – Этого не может быть. Я бы помнил.

– Ты не помнил, – ответил голос Проповедника. – Потому что они стерли. Аккуратно, профессионально. Оставили только факты: ты был в бою, она погибла, ты выжил. А все, что было между – ушло. Навсегда.

– Но... зачем?

– Затем, что ты был ценным ресурсом. Твой дар – видеть вероятности – проявился именно тогда. Они хотели понять, как он работает. Изучали тебя месяц. А потом, когда поняли, что не могут контролировать – стерли память и вернули. Чтобы ты жил, не зная правды. Чтобы стал тем, кем стал.

Матвей стоял в пустоте, и мир рушился вокруг него.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет он носил вину за смерть «Картографа». Пятнадцать лет она снилась ему, мучила, грызла изнутри. И все это время он не знал, что ее не убили в том бою. Ее забрали. Как и его. Что с ней сделали потом? Она говорила: «Резали, смотрели, собирали заново». Она прошла через тот же ад. И выжила. И все эти годы была где-то рядом, а он не искал. Потому что не помнил.

– Я должен найти ее, – сказал он. – Теперь, когда знаю...

– Ты знаешь не все, – голос Проповедника изменился. Стал жестче, холоднее. – Ты знаешь только то, что показало Ядро. А оно показывает правду. Но не всю. Хочешь увидеть остальное?

– Остальное?

– То, что было после. Когда они вернули тебя. И то, что было с ней. И то, почему она сейчас здесь, в степи, а не с тобой. И почему не пришла раньше.

Матвей смотрел на черный кристалл, и в его глубине загорались новые огоньки. Миллионы огоньков. Каждый – ответ на вопрос, который он боялся задать.

– Да, – сказал он. – Хочу.

И пустота поглотила его снова.

В Зале Тишины, у черного кристалла, стоял Проповедник. Он смотрел, как фигура Матвея, застывшая с руками на поверхности Ядра, начала мелко дрожать. По щеке аналитика скатилась слеза – первая за много лет.

– Пей, – тихо сказал Проповедник. – Пей всю правду. До дна. А потом посмотрим, захочешь ли ты от нее избавиться. Или... захочешь ли ты вернуть то, что потерял.

За его спиной, в тени колонны, стояла Катя. Она смотрела на Матвея, и в ее глазах, впервые за многие годы, появилась жизнь. Боль. Надежда. Страх.

– Ты обещал, – прошептала она одними губами. – Ты обещал вернуться. И ты вернулся. Наконец-то.

Она шагнула вперед, но Проповедник поднял руку.

– Не сейчас. Пусть допьет. Потом – ваше время. Если он захочет.

Катя замерла. Смотрела, как Матвей стоит в забытьи, как по его лицу текут слезы, как губы шевелятся, беззвучно повторяя одно слово:

«Прости... прости... прости...»

Глава 3: Зеркальный зал

За сорок восемь часов до того, как Матвей коснулся черного кристалла, Катя сидела в своей комнате и смотрела на фотографию.

Фотография была старая, потрепанная, с загнутыми углами. На ней – группа подростков в камуфляже, грязных, уставших, но улыбающихся. Ранние дни после Пробуждения, когда Улей только начинал говорить, а они, «Картографы», первыми учились его слушать. Она была в центре, худенькая, коротко стриженная, с серьезными глазами. Рядом с ней – Матвей. Пятнадцатилетний, с вьевшейся в пальцы графитовой пылью и взглядом, который уже тогда видел слишком много.

Она провела пальцем по его лицу. Потертое, почти стертое от частых прикосновений. Стекло над ним треснуло год назад, но она не стала менять. Трещина проходила ровно по тому месту, где на снимке – его глаза. Будто он смотрит на мир сквозь разбитое стекло.

– Ты придешь, – прошептала она. – Я знаю, ты придешь. Потому что я звала тебя каждую ночь. Пятнадцать лет. И ты наконец услышал.

За окном занимался рассвет. Белый, стерильный, без единого облачка. Таким было каждое утро в Саду. И каждое утро Катя просыпалась с одной и той же мыслью: «Сегодня».

Сегодня наступило.

День третий. Продолжение.

Матвей падал.

Не физически – метафорически. Черная пустота Ядра засасывала его все глубже, и с каждым уровнем открывались новые слои реальности, о существовании которых он даже не подозревал. Он видел себя со стороны – маленькую фигурку, застывшую у кристалла в Зале Тишины, – и одновременно был там, в прошлом, переживая заново то, что было стерто пятнадцать лет назад.

Картины сменяли друг друга, как в кино, но это кино было настолько реальным, что он чувствовал запахи, температуру воздуха, биение собственного сердца.

Фрагмент первый. Операционная.

Белый свет. Холодный металл под спиной. Люди в масках склоняются над ним. Один держит шприц с прозрачной жидкостью.

– Считай до десяти, – говорит голос. Женский, спокойный, убаюкивающий.

– Раз... два... три...

Он считает, но мысли путаются. Где-то на периферии сознания бьется мысль: «Катя... где Катя?»

– Четыре... пять... шесть...

– Не думай о ней, – говорит голос. – О ней позаботятся. Ты должен думать о себе. О своем даре. Ты хочешь помочь людям, правда?

– Правда...

– Тогда спи. Когда проснешься, ты станешь лучше. Сильнее. Полезнее.

– Семь... восемь...

Последнее, что он видит перед тем, как провалиться в темноту – лицо склонившейся медсестры. У нее добрые глаза. Очень добрые. И очень пустые.

– Девять... десять...

Тьма.

Фрагмент второй. Белая комната.

Он просыпается в другом месте. Тоже белом, но мягком, уютном. Кровать, стул, стол с едой. На стене – репродукция Ван Гога. «Звездная ночь».

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает тот же женский голос, но теперь он доносится из динамика под потолком.

– Где я? – язык ворочается с трудом. Голова ватная.

– В безопасном месте. Вы проходите курс адаптации. Не беспокойтесь, скоро вы вернетесь к семье. Но сначала нам нужно задать несколько вопросов.

– Каких вопросов?

– О вашем даре. О том, как вы видите вероятности. Это очень важно, Матвей. Вы можете спасти много жизней. Расскажите нам.

И он рассказывает. Подробно, с цифрами, с формулами. Ему не жалко. Если это поможет спасти людей – пусть.

Но где-то на задворках сознания, очень глубоко, шевелится червячок сомнения: *Почему они не спрашивают, хочу ли я? Почему просто берут?*

Червячок быстро затихает. Лекарства хорошие.

Фрагмент третий. Коридор.

Ночь. Он крадется по коридору, босиком, в больничной пижаме. Не знает, зачем идет. Просто чувствует: там, в конце, что-то важное.

За одной из дверей – голоса. Он прикикает к щели.

– Объект «Катя» показывает стабильные результаты, – говорит мужской голос. – Эмпатический отклик на 40% выше нормы. Но есть побочка: она помнит. Несмотря на все стирания, базовые эмоциональные привязки сохраняются.

– Усилить дозировку, – отвечает другой, начальственный. – Если не поможет – гиппокамп под коррекцию. Мы не можем позволить, чтобы у нее оставались личные привязанности. Особенно к этому мальчишке.

– К Матвею?

– К нему. Они были рядом в момент активации дара. Возможна резонансная связь. Если она сохранится, оба объекта будут нестабильны. Либо стираем ее начисто, либо...

– Что?

– Либо убираем его. Но он слишком ценен. Так что работаем с ней.

Матвей отшатывается от двери. Сердце колотится где-то в горле. Катя жива. Она здесь. И они хотят стереть ее память о нем.

Он бежит дальше по коридору, заглядывает в двери. В одной – люди в креслах с электродами на головах, глаза открыты, но взгляд отсутствует. В другой – пусто. В третьей...

Он находит ее.

Катя лежит на койке, привязанная ремнями. Глаза закрыты, на лице – маска спокойствия. Рядом с койкой – монитор, на котором бегут волны энцефалограммы. И цифры: **«УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: 78%. ЦЕЛЕВОЙ УРОВЕНЬ: 15%»**.

– Катя, – шепчет он, подходя ближе. – Катя, проснись.

Она не реагирует. Веки даже не дрожат.

Он трясет ее за плечо – бесполезно. Тогда он замечает шприц на тумбочке. Полный, нетронутый. Рядом – инструкция: «Вводить при признаках пробуждения».

Он не знает, что в шприце. Но догадывается: то же, чем пичкают его самого. То, от чего мысли становятся ватными, а сомнения затихают.

Он выдергивает шприц из катетера, вставленного в ее руку. Капля крови выступает на месте укола.

– Я вернусь, – шепчет он. – Я обещаю. Я найду способ тебя вытащить.

Он выскальзывает в коридор. Бежит обратно в свою палату. Падает на кровать, закрывает глаза.

И проваливается в сон без сновидений.

Фрагмент четвертый. Пробуждение.

Он открывает глаза. Над ним – знакомое лицо. Доктор с добрыми глазами.

– С добрым утром, Матвей. Вы сегодня отлично поспали. Как самочувствие?

– Нормально, – отвечает он, и замечает, что на душе удивительно легко. Будто сбросил тяжелый груз.

– Сны видели?

– Нет... кажется, нет. – Он пытается вспомнить, что снилось, но не может. Только обрывки: белый коридор, чье-то лицо, шприц...

– Не беспокойтесь, это нормально. Процесс адаптации иногда временно блокирует сновидения. Зато вы помните, кто вы и откуда?

– Да. Я Матвей. Я из «Рассвета». Я... – он замолкает, пытаясь ухватить ускользающую мысль. – Я был в бою. Там погибла девушка. Картограф. Мы... мы были близки? – Он морщит лоб. – Странно, я не помню ее лица. Только чувство... вины?

– Это нормальная реакция на травму, – мягко говорит доктор. – Со временем память восстановится. Или не восстановится – и это тоже нормально. Главное, что вы живы и здоровы. Сегодня вы вернетесь домой.

– Домой, – повторяет Матвей, и в груди разливается тепло. Он скучал по семье. По отцу, по матери, по Милане. Они, наверное, с ума сходили от беспокойства.

Он встает, одевается. На тумбочке лежит его старый рюкзак с вещами. Он берет его и выходит в коридор. Провожатый – молодой человек в белом халате – ведет его к выходу.

Они проходят мимо закрытых дверей. За одной из них Матвей на секунду задерживается. Ему кажется, что оттуда доносится... голос? Или плач?

– Не отставайте, – говорит провожатый. – Выход здесь.

Матвей идет дальше. И забывает.

Фрагмент пятый. Лес.

Он стоит на опушке, рядом с телом Кати. Оно уже холодное. Милана плачет у него на плече. Отец что-то говорит, но он не слышит.

Он смотрит на лицо мертвой девушки, и внутри – пустота. Ни слез, ни боли, ни вины. Только легкое недоумение: *Кто она? Я должен ее помнить?*

– Ты как? – спрашивает отец.

– Нормально, – отвечает он. – Просто устал.

Он отворачивается и идет прочь. И не видит, как за его спиной, в мертвых глазах Кати, на миг вспыхивает искра.

Искра жизни. Или проклятия.

Матвей вынырнул из черноты с криком.

Он стоял на коленях перед Ядром, вцепившись пальцами в его холодную поверхность. Лицо было мокрым от слез, хотя он не помнил, когда начал плакать. Грудь раздирала боль – та самая, настоящая, живая, которую он носил в себе пятнадцать лет. Но теперь к ней пришло нечто новое.

Ярость.

– Они... они забрали меня, – прохрипел он. – Забрали и стерли. А я... я ничего не помнил. Я думал, она мертва. А она была там. Все это время. И я... я ушел. Я не вернулся.

– Ты не мог вернуться, – голос Проповедника раздался откуда-то сбоку. – Ты не помнил, куда идти. Они сделали это профессионально. Ты жертва, Матвей, не преступник.

– Жертва? – Матвей поднял голову, и в его глазах горел такой огонь, что Проповедник на миг отступил на шаг. – Я оставил ее там. Я обещал вернуться и не вернулся. Не потому что забыл – потому что позволил им себя вылечить! Я принял их «лекарство»! Я хотел забыть! Я...

Он замолчал, потому что следующая мысль была невыносима.

Я хотел забыть ее. Потому что так было легче.

– Да, – тихо сказал Проповедник, будто прочитав его мысли. – Ты хотел. Это человечно. Люди не созданы для вечной боли. Они ищут облегчения. И нет ничего стыдного в том, чтобы принять его.

– Но она не приняла, – Матвей встал, пошатываясь. – Она помнила. Все пятнадцать лет. И звала меня. А я не слышал.

– Ты услышал сейчас.

– Сейчас слишком поздно.

– Никогда не поздно, – Проповедник приблизился, положил руку ему на плечо. Легкую, почти невесомую. – Она здесь, Матвей. В Саду. Она ждет тебя. Ты можешь поговорить с ней. Узнать, что было. Можешь попросить прощения. И можешь, наконец, отпустить эту боль. Я помогу.

Матвей смотрел на него. В глазах Проповедника была такая бездна покоя, такое абсолютное отсутствие сомнений, что на миг захотелось просто утонуть в этом взгляде. Перестать думать. Перестать чувствовать. Отдаться.

– Нет, – сказал он. – Сначала я поговорю с ней. Потом решу.

Проповедник кивнул, и в его улыбке мелькнуло что-то, чему Матвей не нашел названия. Уважение? Разочарование? Или предвкушение?

– Хорошо. Иди. Она в восточном крыле, комната двенадцать. Я распорядюсь, чтобы вас не беспокоили.

Матвей шел по белым коридорам Сада, и каждый шаг отдавался в висках пульсирующей болью. Воспоминания, которые показало Ядро, не уходили – они встраивались в его личную историю, меняя ее, перекраивая, заставляя сомневаться в каждом дне прожитых пятнадцати лет.

Я помнил ее смерть. Я носил эту вину. А она все это время была жива. И ждала.

Он остановился у двери с номером двенадцать. Простая деревянная дверь, ничем не отличающаяся от других. За ней – тишина.

Он постучал.

– Войдите, – раздался голос. Тот самый, из записи. Из снов. Из самого сердца его кошмаров.

Он вошел.

Комната оказалась маленькой, почти аскетичной. Кровать, стол, стул. На стене – репродукция Ван Гога. «Звездная ночь». Та же, что была в его палате пятнадцать лет назад. У окна, спиной к нему, стояла женщина.

– Ты пришел, – сказала она, не оборачиваясь. – Я знала, что придешь. Я видела это. Тысячу раз. Во сне, в бреду, в те редкие минуты, когда лекарства отпускали.

– Катя...

Она повернулась.

Он смотрел на нее и не мог поверить, что это та самая девушка, которую он помнил (или думал, что помнил). Та была юной, почти девочкой, с глазами, полными жизни и страха. Эта женщина выглядела на сорок, хотя по возрасту должна быть чуть за тридцать. Лицо изрезано морщинами – не столько возраста, сколько боли. Волосы, когда-то темные, теперь были густо пересыпаны сединой. Но глаза... глаза остались теми же. Та же глубина. Та же тоска. Та же любовь, которую ничто не смогло убить.

– Здравствуй, Матвей, – сказала она. – Я так долго ждала.

Он шагнул к ней, остановился в нерешительности. Что говорить? «Прости»? Смешно. Пятнадцать лет мучений не искупаются одним словом.

– Я не помнил, – выдохнул он. – Они стерли. Я думал, ты умерла в том бою. Я... я носил траур. Я винил себя. Но я не знал.

– Я знаю, – Катя кивнула. – Я видела тебя. В Ядре. Много раз. Я могла бы прийти раньше, но... – она запнулась. – Боялась.

– Чего?

– Что ты не захочешь вспоминать. Что ты счастлив без меня. Что я для тебя – только боль, от которой ты избавился.

– Я не избавился, – Матвей шагнул ближе, взял ее за руку. Рука была холодной, сухой, с выступающими венами – рука человека, прошедшего через ад. – Я носил тебя в себе все эти годы. Не помня, кто ты, но чувствуя пустоту. Ты была дырой во мне, Катя. Дырой в форме человека. И только сейчас я понял, что это была ты.

Она смотрела на него, и по ее щекам текли слезы. Первые слезы за многие годы – он видел это по тому, как неуверенно, как болезненно мышцы лица вспоминали забытое движение.

– Я тоже... я тоже носила тебя, – прошептала она. – Все эти годы. Они стирали меня снова и снова, но ты возвращался. Во снах, в видениях, в тех обрывках памяти, которые Ядро не могло уничтожить. Ты был моим якорем. Моим безумием. Моим спасением.

Она упала ему на грудь, и он обнял ее, чувствуя, как худое тело сотрясают рыдания. Пятнадцать лет одиночества, пятнадцать лет боли, пятнадцать лет ожидания выплеснулись в этом объятии.

– Я здесь, – шептал он, глядя ее по седым волосам. – Я больше не уйду. Я обещаю.

– Ты уже обещал, – всхлипнула она. – Тогда, в коридоре. Ты сказал: «Я вернусь». И я поверила. И ждала. Пятнадцать лет.

– Прости.

– Не надо, – она подняла голову, посмотрела ему в глаза. – Ты вернулся. Это главное.

Они стояли так, обнявшись, посреди белой стерильной комнаты, и мир за окнами Сада медленно клонился к закату. Впервые за много лет Катя чувствовала тепло. Живое, человеческое тепло. И это тепло было страшнее любой боли, потому что заставляло надеяться. А надежда в Саду была самым опасным чувством.

Они проговорили всю ночь.

Катя рассказывала – о том, что было после того, как его увели. О бесконечных экспериментах, о попытках стереть память, о том, как она сопротивлялась, цепляясь за образ Матвея как за единственную реальность в мире лжи. О побеге, когда «Курчатовец-1» начал тотальную санацию, и в хаосе ей удалось выскользнуть. О годах скитаний, о встрече с Проповедником, о том, как он предложил ей покой.

– Я отказалась, – сказала она. – Потому что поняла: покой без боли – это смерть при жизни. Я видела этих людей, – она кивнула в сторону окна, за которым в саду сидели пациенты с пустыми лицами. – Они улыбаются, но за улыбкой – ничего. А я хотела чувствовать. Даже если это боль.

– И ты осталась здесь? Добровольно?

– Да. Проповедник позволил. Я стала... кем-то вроде зрителя. Присматриваю за новыми. Рассказываю им правду. А если они все равно хотят процедуры – не мешаю. Это их выбор.

– А ты? – Матвей смотрел на нее в упор. – Ты сделала выбор?

– Я сделала его пятнадцать лет назад, когда решила помнить. И каждый день с тех пор подтверждаю его заново. – Она улыбнулась. – Знаешь, в этом есть своя ирония. Они хотели сделать из меня пустышку, а сделали самым живым человеком в этом мертвом саду.

Матвей молчал, переваривая услышанное. Потом спросил:

– А что с нами? Теперь, когда мы встретились?

Катя долго смотрела на него. В ее глазах боролись надежда и страх.

– Не знаю, – призналась она. – Я столько лет мечтала об этом моменте, что теперь, когда он настал, боюсь поверить. Боюсь, что это сон. Что я проснусь в своей белой комнате, и тебя не будет.

– Я здесь, – Матвей взял ее за руку. – Реальный. Ты чувствуешь?

– Чувствую.

– Тогда верь.

Она кивнула, и впервые за ночь в ее глазах зажегся свет.

Утром, когда они вышли в сад, их уже ждали.

Проповедник стоял у центральной аллеи, окруженный группой людей в белых одеждах. Рядом с ним замерла молодая женщина с пустым лицом и механической улыбкой.

– Доброе утро, – сказал Проповедник, и его голос был таким же ровным, как всегда. – Я рад, что вы нашли друг друга. Это прекрасно. Но время идет, и каждому из вас предстоит сделать выбор.

– Я уже сделала, – твердо сказала Катя. – Пятнадцать лет назад.

– Ты сделала выбор помнить. Но помнить – не значит жить, – Проповедник шагнул ближе, и его глаза, прозрачные, как вода, остановились на Матвее. – А ты, Матвей? Ты увидел правду. Ты вспомнил. Теперь ты знаешь, что носил в себе пустоту, а не вину. Что чувствуешь?

– Я чувствую... – Матвей замолчал, прислушиваясь к себе. – Я чувствую злость. На них, на «Курчатовцев». И благодарность – тебе, за то, что показал. И... – он посмотрел на Катю. – Любовь. Которая никуда не делась за эти годы.

– Любовь, – повторил Проповедник, и в его голосе впервые прорезалась странная нотка – не то презрение, не то зависть. – Любовь – это самый сильный якорь боли. Она привязывает к прошлому, не дает двигаться дальше. Ты хочешь освободиться от этого груза?

– Нет, – ответил Матвей. – Я хочу нести его. Вместе с ней.

Проповедник долго смотрел на них. Потом кивнул женщине с пустым лицом. Та подошла ближе, и Матвей увидел, что в ее руках – небольшая шкатулка из черного дерева.

– Это Марина, – сказал Проповедник. – Она пришла к нам два года назад. Потеряла сына. Не могла жить с этой болью. Мы помогли ей. Теперь она не помнит его лица. Не помнит, как он смеялся, как плакал, как звал ее по ночам. Но она счастлива. Посмотри на нее.

Матвей смотрел. Женщина улыбалась. Улыбка была идеальной – ни одной фальшивой ноты. Но глаза... глаза были мертвы. Абсолютно, бесповоротно мертвы.

– Ты предлагаешь мне то же самое? – спросил он тихо.

– Я предлагаю тебе выбор, – Проповедник открыл шкатулку. Внутри, на бархатной подушке, лежал небольшой кристалл – точная копия Ядра, только в миниатюре. – Ты можешь уйти с ней, – он кивнул на Катю, – и нести свою боль дальше. Мучиться, страдать, любить, терять. А можешь остаться. Принять процедуру. И забыть. Не факты – факты останутся. Но боль уйдет. Ты будешь помнить Катю, но не будешь страдать от разлуки. Ты будешь помнить прошлое, но оно перестанет жечь. Ты станешь свободным.

– Свободным, как она? – Матвей кивнул на Марину.

– Да. Свободным, как она.

Катя сжала его руку. Ее пальцы дрожали.

– Не надо, – прошептала она. – Пожалуйста. Не надо. Я не вынесу, если ты станешь таким. Если согласишься на меня и не почувствуешь ничего.

Матвей смотрел на кристалл. Черный, манящий, обещающий покой. Всего одно касание – и груз, который он носил пятнадцать лет, исчезнет. Вина за смерть (не-смерть) Кати, боль от разлуки, страх будущего – все уйдет. Останется только чистое, стерильное знание.

А она? Что останется у нее?

Он посмотрел на Катю. В ее глазах стояли слезы – те самые, живые, настоящие, которые она так долго училась чувствовать заново. Ради него. Ради этого момента.

– Я не возьму, – сказал он.

Проповедник не удивился. Он лишь кивнул, закрыл шкатулку и передал ее Марине. Та улыбнулась своей пустой улыбкой и отошла.

– Я знал, что ты откажешься, – сказал Проповедник. – Ты слишком... цепляешься за жизнь. Это редкое качество. И опасное.

– Почему опасное?

– Потому что жизнь, за которую цепляются, всегда причиняет боль. А боль имеет свойство накапливаться. Рано или поздно она станет невыносимой. И тогда ты вернешься. Они все возвращаются.

– Не все, – тихо сказала Катя. – Я не вернулась.

– Ты особый случай, – Проповедник посмотрел на нее с чем-то вроде уважения. – Ты научилась жить с болью. Но ты – исключение, подтверждающее правило. Большинство не выдерживает.

– Мы выдержим, – сказал Матвей. – Вместе.

– Посмотрим, – Проповедник улыбнулся, и в его улыбке было что-то, от чего у Матвея по спине пробежал холодок. – Но прежде чем вы уйдете, я хочу показать тебе кое-что, Матвей. Только тебе. Катя подождет здесь.

– Я не оставлю ее.

– Это не займет много времени. И это важно. Для тебя. Для нее. Для вашего будущего.

– Проповедник сделал приглашающий жест. – Пойдем. Это рядом.

Катя кивнула, отпуская его руку.

– Иди. Я подожду.

Матвей пошел за Проповедником.

Они вошли в другое здание – такое же белое, но без окон. Внутри было темно, только тусклые светильники на стенах обозначали путь.

– Куда мы идем? – спросил Матвей.

– В **Зеркальный Зал**, – ответил Проповедник. – Это место, где каждый видит свою истинную природу. Свои страхи. Свои желания. Свою смерть.

– Смерть?

– Самую вероятную. Ту, что ждет тебя, если ты продолжишь свой путь. Ядро показывает прошлое. Зеркальный Зал показывает будущее. Хочешь увидеть?

Матвей остановился. Сердце колотилось где-то в горле.

– Зачем?

– Чтобы знать, – Проповедник обернулся, и в его глазах, впервые за все время, Матвей увидел не покой, а... азарт. – Чтобы выбирать осознанно. Ты отверг мой дар. Хорошо. Но прежде чем уйти, ты должен увидеть, что ждет тебя там, куда ты идешь. С ней. С этой болью. С этой любовью. Увидеть – и решить, готов ли ты к этому.

Он толкнул дверь, и они вошли.

Зал был огромен. Круглый, с высоким куполом, стены которого были покрыты зеркалами. Тысячи зеркал, отражающих друг друга, создающих бесконечные коридоры отражений. В центре зала стояло единственное кресло, обращенное к стене.

– Сядь, – сказал Проповедник. – Смотри в центральное зеркало. И ничего не бойся. Это просто отражение. Оно не может причинить вреда.

Матвей сел. Сердце колотилось где-то в ушах. Он смотрел в зеркало напротив и видел себя – усталого, с красными глазами, с вьезшейся в пальцы графитовой пылью.

– Смотри глубже, – голос Проповедника доносился отовсюду и ниоткуда. – Смотри за отражение.

Зеркало потемнело. Поверхность заволочло туманом. А потом туман рассеялся, и Матвей увидел...

Он увидел себя. Старого. Лет на тридцать старше. С седыми волосами, с глубокими морщинами, с глазами, полными такой бездонной усталости, что на миг захотелось отвернуться.

Старый Матвей сидел на крыльце какого-то дома. Рядом никого не было. Вокруг – степь, выжженная, пустая. На горизонте – зарево пожара.

Он смотрел прямо на Матвея – сквозь зеркало, сквозь время – и губы его шевелились, беззвучно повторяя одно слово:

«Поздно... поздно... поздно...»

Картина сменилась.

Матвей увидел Катю. Такую же старую, сторбленную, одну. Она сидела у могилы – маленького холмика с простым деревянным крестом. На кресте – имя, которое он не мог разобрать, но знал: это его имя.

Она плакала. Беззвучно, страшно, как плачут люди, потерявшие всё.

А потом – еще одна картина.

Он сам, молодой, стоит у Ядра в Зале Тишины. Рядом – Проповедник. Он протягивает ему черный кристалл, и Матвей берет его. Касается. И лицо его становится пустым, спокойным, идеальным.

– Нет, – выдохнул Матвей. – Я не буду этого делать.

– Это не предсказание, – голос Проповедника звучал мягко, почти ласково. – Это вероятность. Одна из многих. Ты можешь изменить ее. Но для этого нужно знать, что ты меняешь.

Картины замелькали быстрее. Он видел себя и Катю вместе – старых, счастливых, окруженных детьми. Видел «Рассвет», разрушенный пожаром. Видел Алису, взрослую, с кристаллом в руке, говорящую с Ульем. Видел что-то огромное, черное, падающее с неба.

А потом – последняя картина.

Он стоит у черного кристалла. Но не в Зале Тишины – где-то в другом месте. Вокруг – руины, пепел, пустота. Рядом с ним – Катя. Она держит его за руку и улыбается. Улыбка у нее спокойная, светлая.

– Ты обещал вернуться, – говорит она. – И ты вернулся.

– Я всегда возвращаюсь, – отвечает он.

И в этот момент кристалл за их спинами взрывается светом. Белым, ослепительным, абсолютным.

Матвей зажмурился. А когда открыл глаза – сидел в кресле, в пустом зале, и рядом не было никого.

– Что это было? – прошептал он.

– Это было твое будущее, – ответил Проповедник, появляясь из-за спины. – Одно из многих. Самое вероятное, если ты выберешь путь с ней. – Он помолчал. – Ты видел смерть. Дважды. Свою и ее. Ты видел одиночество. Ты видел разрушение. Ты готов к этому?

Матвей молчал долго. Потом встал, пошатываясь.

– Я готов, – сказал он. – Потому что в этом будущем мы вместе. Даже когда умираем – вместе. А в том, другом, где я беру твой кристалл, я один. Всегда один. Я выбираю вместе.

Проповедник смотрел на него с непроницаемым лицом.

– Ты уверен?

– Да.

– Тогда иди. Она ждет.

Матвей пошел к выходу. На пороге остановился, обернулся.

– Спасибо, – сказал он. – За правду.

– Не за что, – ответил Проповедник. – Правда – это единственное, что у меня есть. И единственное, что я даю.

Матвей вышел.

Он нашел Катю там же, где оставил. Она сидела на скамейке в саду, глядя на закат. Рядом с ней стояла Марина с пустым лицом и держала шкатулку. Катя что-то тихо говорила ей, и Марина слушала, улыбаясь своей механической улыбкой.

– Что ты ей говоришь? – спросил Матвей, подходя.

– Рассказываю про своего сына, – ответила Катя. – Того, которого она забыла. Она не помнит, но слушает. И мне кажется... где-то глубоко, там, где ничего не стерто, она слышит.

Марина повернулась, посмотрела на Матвея пустыми глазами, и вдруг на миг в них мелькнуло что-то. Искра. Боль. Жизнь.

А потом исчезло.

– Пойдем, – сказал Матвей, беря Катю за руку. – Пойдем домой.

– Домой, – повторила она, и в ее голосе было столько надежды, что у него защемило сердце.

Они пошли по белой дорожке к выходу из Сада. Мимо них проплывали люди с пустыми лицами, сидящие на скамейках, гуляющие по аллеям, поливающие цветы. Все они улыбались. Все были спокойны. Все были мертвы.

У самых ворот их догнал юноша в белой рубаше – тот самый, что приходил в «Рассвет».

– Проповедник просил передать, – сказал он, протягивая Матвею небольшой сверток. – На память. И на случай, если передумаете.

Матвей развернул. Внутри лежал черный кристалл – точная копия того, что был в шкатулке.

– Спасибо, – сказал Матвей. – Передай, что я не передумаю.

– Он знает, – юноша улыбнулся той же светлой, пустой улыбкой, что и все обитатели Сада. – Но он сказал: «Выбор должен быть всегда. Даже когда кажется, что его нет».

Он поклонился и исчез за воротами.

Матвей спрятал кристалл в карман. Не потому что собирался использовать – просто чтобы помнить. Чтобы знать, что такой путь существует. И что они его отвергли.

Они вышли из Сада, и в тот же миг Матвей почувствовал, как давление в голове исчезло. Фоновый гул Улья, отсутствовавший все эти дни, вернулся. Тихий, родной, живой.

Катя вздрогнула, прижалась к нему.

– Я забыла, каково это, – прошептала она. – Быть частью чего-то большого. Не только себя.

– Привыкнешь, – сказал Матвей. – У нас будет время.

Они пошли по степи, на север, туда, где за горизонтом ждал «Рассвет». Солнце садилось, окрашивая ковыль в золото и багрянец. Ветер шелестел, пахло полынью и свободой.

– Матвей, – сказала Катя, когда они отошли достаточно далеко. – То, что ты видел в Зеркальном Зале... это правда? Мы умрем?

– Все умрут, – ответил он. – Рано или поздно. Главное – как мы проживем то время, что у нас есть.

– А если это время – короткое?

– Значит, будем жить быстро.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько жизни, что степь вокруг, казалось, расцвела.

Они шли навстречу ночи, и позади них, в белом Саду, Проповедник стоял у окна и смотрел им вслед.

– Они ушли, – сказала Марина, стоящая рядом. – Почему ты отпустил их?

– Потому что они вернуться, – ответил Проповедник. – Все возвращаются. Вопрос только – когда и с чем.

– А если не вернуться?

– Значит, они – исключение. А исключения, – он повернулся и посмотрел на нее своими прозрачными глазами, – только подтверждают правила.

Он погладил ее по голове, как ребенка, и Марина замерла, замерев в своей вечной, пустой улыбке.

– Иди, – сказал он. – Отдыхай.

Она ушла, бесшумно ступая по белому полу.

Проповедник остался один. В руке у него был такой же черный кристалл, как тот, что он дал Матвею. Он смотрел на него долго, очень долго. А потом сжал в кулаке так сильно, что по пальцам потекла кровь.

– Боль, – прошептал он, глядя на красные капли, падающие на белый пол. – Я тоже помню тебя. Хотя должен был забыть.

Он разжал пальцы. Кристалл был цел. Кровь на нем не задерживалась – стекала, оставляя поверхность идеально чистой.

– Но некоторые вещи не забываются, – добавил он тихо. – Как бы сильно ты этого ни хотел.

За окном догорал закат. В саду сидели люди с пустыми лицами и смотрели в никуда. Им было хорошо. Им было спокойно. Им было... никак.

Проповедник закрыл глаза, и на мгновение в его лице проступило что-то, чего никто и никогда не видел. Не покой. Не мудрость. Не всепрощение.

Тоска. Абсолютная, бесконечная, как сама вселенная.

Он открыл глаза – и снова стал тем, кем был. Идеальным, спокойным, всепонимающим.

– Ждем, – сказал он пустоте. – Они вернуться.

Глава 4: Раскол

Путь домой занял три дня.

Три дня степи, три дня ночных костров, три дня разговоров, которые они вели, словно пытаясь наверстать пятнадцать лет молчания. Катя рассказывала – о годах в лабораториях «Курчатовца», о побеге, о скитаниях. Матвей слушал и чувствовал, как внутри, рядом с виной, которую он носил все эти годы, прорастает что-то новое. Не ненависть – та была бы слишком простой. Скорее, холодное, тяжелое понимание: мир устроен не так, как он думал. Люди, которым он верил, – ввали. Воспоминания, которые он считал своими, – чужие. Даже боль, его верная спутница, оказалась фальшивкой – не за настоящую потерю, а за ту, которой на самом деле не было.

Но Катя была настоящей. Ее рука в его руке – настоящая. Ее голос, ее смех, ее слезы – настоящие. И это было единственное, за что можно было держаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.